Содержание

Пояснения · 7

Глоссарий · 9

Предисловие · 13

Глава 1. Становление команды · 35

Глава 2. Великий перелом · 81

Глава 3. У власти · 115

Глава 4. Команда на публике · 155

Глава 5. Большой террор · 199

Глава 6. На войну · 248

Глава 7. Послевоенные надежды · 295

Глава 8. Стареющий вождь · 339

Глава 9. Без Сталина · 384

Глава 10. Конец пути · 435

Заключение · 458

Слова благодарности · 477

Биографии · 480

Библиография · 505

Пояснения

Для удобства я называю Совет народных комиссаров (Совнарком) правительством. Я использую термин «Верховный Совет» для обозначения органа, который до 1938 года назывался Центральный исполнительный комитет Всесоюзного съезда Советов. Его председателя я называю главой государства, а в некоторых случаях — президентом Советского Союза.

Когда я цитирую материалы визитов в кремлевский кабинет Сталина, в сносках не даются ссылки, потому что они всегда берутся из его служебного журнала, опубликованного под названием «На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.)» (под редакцией А. А. Чернобаева, Москва: Новый Хронограф, 2008). (Я использовала более раннюю журнальную версию «Посетители кремлевского кабинета Сталина» (публикацию подготовили А. В. Коротков, А. Д. Чернев и А. А. Чернобаев), опубликованную в «Историческом архиве», 1994, № 6 — 1997, № 1).

Полезное резюме этих данных за 1930-е годы (только члены Политбюро и секретари ЦК) можно найти в книге Олега Хлевнюка «Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры» (Москва: РОССПЭН, 2010; Oleg V. Khlevniuk, *Master of the House: Stalin and His Inner Circle*. New Haven: Yale University Press, 2009), приложение 2, с. 467–471. Данные о посещении заседаний Политбюро в 1930-е годы взя-

ты из таблицы в работе «Сталинское Политбюро в 30-е годы: сборник документов», сост. О. В. Хлевнюк и соавт. (Москва: АИРО-XX, 1995), с. 183–255. Мой краткий справочник по Секретариату ЦК Советского Союза опубликован по адресу http://en.wikipedia.org/wiki/Secretariat_of_the_Central_Committee_of_the_Soviet_Union, но я старалась проверять эту информацию по другим источникам.

Места хранения в российских архивах идентифицируются по фондам (коллекциям), описи, делу и листу, но я представила эту информацию в сокращенной форме. Таким образом, «РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 100. Л. 1» выглядит как «РГАСПИ 17/1/100, л. 1».

Что касается дат, то в феврале 1918 года Россия перешла с юлианского календаря на григорианский, на тринадцать дней вперед. Я даю даты по юлианскому календарю до перехода и по григорианскому — после него. Это означает, что большевистская революция произошла в октябре 1917 года, а не в начале ноября (как в григорианском календаре).

Глоссарий

Большевики — название одной из двух фракций (позднее — партии), Российской социал-демократической рабочей партии, образовавшихся в 1903 году; в первые десятилетия после Октябрьской революции 1917 года это слово использовалось в качестве названия партии наряду со словом «коммунисты», которое затем вытеснило его.

Вождь — хвалебное именование лидера; так начиная с 1930-х годов называли Сталина. Форма множественного числа *вожди* употреблялась по отношению ко всей команде Сталина.

ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, в 1920-е годы его возглавляла Ольга Каменева, а в 1930-е — Александр Аросев.

ГКО — Государственный комитет обороны, главный орган управления в период войны.

ГПУ — см. *ЧК*.

Гражданская война — велась в 1918–1920 годах между красными (большевиками) и белыми, последним помогали так называемые западные интервенты.

ГУЛАГ — Главное управление лагерей (подчинялось НКВД). Этим словом называли всю систему лагерей в целом.

Дача — загородный дом, куда приезжали на выходные.

ЕАК — Еврейский антифашистский комитет (1942–1948), возглавлявшийся Соломоном Михоэлсом и работавший под контролем Соломона Лозовского.

Коминтерн — международная организация коммунистических партий, которая была создана в 1919 году и управлялась из Москвы.

Комсомол — молодежная коммунистическая организация.

Коммунистическая партия — название партии, которая правила начиная с октября 1917 года; см. *Большевики*.

Кулак — зажиточный крестьянин, которого большевики считали эксплуататором бедняков.

Левая оппозиция — группы, возглавляемые Троцким (1923–1924) и Зиновьевым (1925–1926) и боровшиеся против команды Сталина.

Меньшевики — соперничавшая с большевиками фракция (партия), которая образовалась в Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в 1903 году.

МГБ — Министерство государственной безопасности в 1940-е годы (см. также *ЧК*).

НКВД — название полиции безопасности с 1934 года до войны; расшифровывается как Народный комиссариат внутренних дел (см. также *ЧК*).

НЭП — новая экономическая политика в 1920-е годы.

ОГПУ — см. *ЧК*.

Октябрьская революция — захват власти большевиками в 1917 году.

Оргбюро — одно из двух бюро Центрального комитета партии (второе называлось Политбюро), занималось организационными вопросами.

Петроград — столица Российской империи / Советской России до 1918 года, называлась так в период с 1914 по 1924 год; до этого — Санкт-Петербург.

Политбюро — бюро Центрального комитета партии, состояло из членов (имели право голосовать) и кандидатов (с совещательным голосом). Избиралось на съезде партии и было высшим органом власти в Советском Союзе (см. также *Президиум*).

Правая оппозиция — строго говоря, не оппозиция, а тенденция («правый уклон»), в 1929–1930 годах ключевыми фигурами были Рыков, Бухарин и Томский.

Президиум Центрального комитета Коммунистической партии — так в 1952–1966 годах называлось Политбюро (следует заметить, что другие структуры также имели свои президиумы, что может создать путаницу).

РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей, ее возглавлял Авербах, брат жены Генриха Ягоды; распущена решением Центрального комитета в 1932 году.

РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия, основана в 1898 году; в 1903 году раскололась на большевиков и меньшевиков.

Совет народных комиссаров Советского Союза (Совнарком) — высший правительственный орган до войны, после войны переименован в Совет министров.

Совнарком — см. *Совет народных комиссаров*.

СССР — Союз Советских Социалистических Республик, основан в 1922 году. В его состав входили Российская Федерация (РСФСР), Украина, Белоруссия и Закавказская Федерация (из которой позднее выделились Грузия, Армения и Азербайджан); республики Средней Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан), которые создавались на протяжении всего предвоенного периода; балтийские республики (Латвия, Литва и Эстония) и Молдавия, которые были присоединены в 1940 году.

Сталинград — город на Волге, место решающей битвы во время Второй мировой войны зимой 1942–1943 годов; ранее назывался Царицын, сейчас — Волгоград.

Старые большевики — неформальное название членов партии, которые вступили в нее до революции.

Термидор — месяц, когда во время Великой французской революции в 1794 году был свергнут Робеспьер; слово использовалось большевиками метафорически, для обозначения упадка и истощения революционного духа.

Февральская революция — события, которые привели к отречению от престола царя Николая II в 1917 году и приходу к власти Временного правительства, которое было затем свергнуто большевиками в октябре 1917 года.

Центральный комитет Коммунистической партии — избирался съездом Коммунистической партии и номинально являлся ее руководящим органом, однако на практике решения принимало Политбюро.

Черта оседлости — часть Украины и Белоруссии, за пределами которой в Российской империи евреям запрещено было жить.

ЧК — полиция безопасности во время Гражданской войны (позднее преобразована в ГПУ, ОГПУ, НКВД, МВД/МГБ, КГБ).

«Шахтинское дело» — показательный процесс в 1928 году против беспартийных специалистов и коммунистов-хозяйственников в Шахтинском районе Украины[1].

---

1. Шахтинско-Донецкий округ находился на территории РСФСР. Шахтинский район входил в Шахтинский (с осени 1925 года — Шахтинско-Донецкий) округ, который с 1924 года входил в Юго-Восточную область РСФСР. 30 июля 1930 года Шахтинско-Донецкий округ, как и большинство остальных округов СССР, был упразднен. Его районы отошли в прямое подчинение Северо-Кавказского края). — *Прим. пер.*

Предисловие

Когда Сталин хотел сделать паузу в общении с иностранцами, он иногда говорил, что проблема будет в том, чтобы убедить Политбюро. Все понимали, что это просто отговорка, поскольку дипломаты совершенно правильно предполагали, что окончательное решение было за Сталиным. Но это не значит, что не было Политбюро, с которым он консультировался, или группы коллег, с которыми он работал[1]. Эта команда — ее численность всегда составляла около дюжины человек — возникла в 1920-х годах, после смерти Ленина сражалась с оппозиционными группами во главе с Львом Троцким и Григорием Зиновьевым и, что удивительно, ее участники оставались вместе три десятилетия[2]. Наподобие феникса они демонстрировали способность выживать в угрожающих команде ситуациях, таких как чистки и репрессии, паранойя сталинских последних лет и опасности постсталинского перехода. В политике оставаться вместе тридцать лет — это очень долго, даже в менее смертоносном политическом климате, чем в Советском Союзе при Сталине. Команда окончательно

1. Adam B. Ulam, *Stalin* (New York: Viking Press, 1973), p. 572, 607; *Foreign Relations of the United States: The Conferences at Malta and Yalta* (Washington, DC: Department of State, 1955), p. 666.
2. Stephen G. Wheatcroft, "From Team-Stalin to Degenerate Tyranny," in E. A. Rees, ed., *The Nature of Stalin's Dictatorship* (Houndsmill: Palgrave Macmillan, 2004).

распалась в 1957 году, когда один из ее участников (Никита Хрущев) сделался новым главным боссом и избавился от остальных. Для обозначения группы лидеров вокруг Сталина я использую термин «команда» (team). По крайней мере еще один ученый также использовал этот термин, но есть и альтернативы. Вы можете назвать их «бандой» (шайкой), если хотите подчеркнуть, что они управляли страной незаконными методами и что они, по сути, преступники, а не правительство[3]. Вы могли бы назвать их «Политбюро» (то есть исполнительный орган ЦК Коммунистической партии, избираемый периодическими съездами партий), что почти корректно, поскольку членами Политбюро были в основном те же самые люди, но из-за предпочтения Сталиным неформальных рабочих групп состав никогда полностью не совпадал. Или вы могли бы обозначить их словом «группировка» — еще один уничижительный термин в советском дискурсе. Читатель, который предпочитает «банду» или другую альтернативу, может сделать мысленную замену. В любом случае это был коллективный субъект, члены которого имели индивидуальные обязанности, но регулярно встречались как группа и были объединены верностью Сталину и, первоначально, друг другу. Созданная для борьбы с другими командами, соперничающими за лидерство после смерти Ленина, после победы эта команда постепенно взяла на себя функции управления страной.

Как и у всякой команды, у нее был свой капитан, Иосиф Сталин; он имел огромный авторитет, и его можно было бы также назвать «играющий тренер». Хотя это не было нигде записано, на практике его прерогативы включали в себя право принимать и исключать остальных игроков. В первые годы участники команды обращались к Сталину и друг

3. T. H. Rigby, "Was Stalin a Disloyal Patron?," *Soviet Studies* 38:3 (July 1986), p. 324.

к другу на «ты», предполагалось, что он всего лишь первый среди равных. Но в дальнейшем стало очевидно, что Сталин представляет собой нечто большее, и к началу послевоенного периода обращаться к нему на «ты» позволяли себе только несколько старых соратников. Это была команда лидера, сталинская команда, но когда Сталин умер, случилось то, чего никто не ожидал, — команда смогла продолжать функционировать и управлять без него.

В научном сообществе давно сложилась традиция изучать политическую биографию исключительно Сталина, поэтому введение в научный обиход команды Сталина может быть неправильно истолковано в том смысле, будто я полагаю, что власть Сталина, возможно, была не столь уж велика. Я утверждаю совсем не это. Когда я исследовала этот вопрос, меня поразило, насколько большой была его власть над остальными членами команды и каким безусловным было его лидерство, даже когда обстоятельства способствовали тому, чтобы кто-нибудь бросил ему вызов, как, например, в июне 1941 года. Все крупные политические инициативы исходили от него, а участие остальных членов команды (их вклад даже трудно точно определить, поскольку было принято приписывать Сталину абсолютно все инициативы) ограничивалось теми вопросами, которыми они непосредственно занимались и которые Сталин считал второстепенными. Тем не менее остается фактом, что хотя Сталин и был вожаком стаи, в отличие от своих современников Муссолини и Гитлера, он предпочитал работать с группой, состоящей из сильных фигур. Участники этой группы были лично преданы ему, но при этом действовали как единая команда. Эти люди не претендовали на его место лидера. Но это не были политические ничтожества или простой антураж, состоящий из секретарей и тайных агентов. Они отвечали за важные участки, такие как оборона, железные дороги, тяжелая про-

мышленность, и часто были весьма компетентны в этих вопросах. Эти люди отстаивали в Политбюро интересы структур, которые они в тот или иной период возглавляли. Во время регулярных формальных и неформальных встреч они обсуждали всей командой (вместе со Сталиным) наиболее важные политические вопросы. Сталину не требовалось их согласие, но если он ощущал, что согласия нет или что отношение прохладное, то мог иногда отступить или просто подождать, пока они созреют (как это бывало, например, когда обсуждалась политическая расправа над кем-либо).

На протяжении тридцати лет состав команды менялся. Трое участников (Сергей Киров, Валериан Куйбышев и Серго Орджоникидзе) умерли в середине 1930-х годов, еще один — Михаил Калинин, умер сразу после войны. Во второй половине 1930-х в команду добавилось четыре новых участника — Андрей Жданов, Никита Хрущев, Георгий Маленков и Лаврентий Берия. Несколько второстепенных участников стали жертвами Большого террора, среди них стоит отметить троих работавших на Украине (Станислава Косиора, Власа Чубаря и Павла Постышева), а после войны жертвой так называемого Ленинградского дела стал Николай Вознесенский, который присоединился к команде незадолго до этого и быстро шел в гору. При этом ядро — Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Анастас Микоян, Клим Ворошилов и до 1952 года Андрей Андреев — оставалось неизменным, и именно эта группа, совместно с теми, кто пришел в нее в 1930-е годы, составила ту самую команду («коллективное руководство»), которая осуществляла власть после смерти Сталина.

Степень самостоятельности действий членов команды в их собственных сферах изменялась с течением времени, равно как и степень, в которой они чувствовали себя коллективом, а не просто группой соперников. Интересно, что эти две пере-

менные имели тенденцию изменяться одновременно и в одном направлении. И независимость, и командный дух были высоки в начале 1930-х годов, а в конце десятилетия сильно уменьшились в результате репрессий. Они снова возросли во время войны и оставались высокими, хотя и находились под постоянной угрозой в послевоенный период, вплоть до смерти Сталина в 1953 году. Последний период особенно интересен тем, что отношение Сталина к его коллегам было тогда наиболее нестабильным и подозрительным, но в то же время он уже был не в состоянии выдерживать огромную нагрузку предыдущих лет. Он мог по-прежнему выступать с инициативами, которые вынуждена была поддерживать остальная часть команды (например, антисемитская кампания конца 1940-х и начала 1950-х годов), но в вопросах, которые он не считал своими, члены команды работали рядом с ним, насколько это возможно, до конца. Когда в октябре 1952 года он хотел исключить из команды Вячеслава Молотова (который долгое время был вторым человеком в государстве) и другого старожила, Анастаса Микояна, остальная часть команды оказала сопротивление. Он даже не мог помешать этим двум изгоям появляться на своей даче без приглашения, потому что другие члены команды заранее им сообщали.

Чем бы закончилась эта борьба, неизвестно, потому что в решающий момент Сталин умер. Неудивительно, что в сложившихся обстоятельствах ходили слухи, что ему помогли, но никто так и не смог доказать это. Его смерть, вероятно, спасла жизни Молотова и Микояна, а также, возможно, курировавшего органы государственной безопасности Лаврентия Берии и других. Еще до того как вождь испустил последний вздох, команда взяла на себя коллективное руководство. Сталинская команда, как оказалось, могла справляться без Сталина довольно хорошо — в действи-

тельности, по сравнению с последними несколькими годами его жизни, даже значительно лучше. Все предсказывали, что после смерти Сталина наступит хаос, и сама команда опасалась этого, но на самом деле они осуществили успешный переход с минимальными (в советском смысле) людскими потерями и чрезвычайно широкой и радикальной программой реформ. Тот факт, что реформы были начаты немедленно, убедительно свидетельствует о том, что в команде за несколько лет до смерти Сталина сформировался негласный консенсус относительно желательности перемен в сочетании с признанием их невыполнимости, пока Сталин был рядом.

Подзаголовок книги — «Годы опасной жизни в советской политике»: опасность — важнейший аспект этой истории. Команда в целом была в опасности в начале 1930-х годов, когда безрассудная и невероятно амбициозная комбинация коллективизации крестьянского сельского хозяйства и форсированной индустриализации могла закончиться катастрофой. Политический террор конца 1930-х годов стал другим моментом повышенной опасности как для Сталина (поскольку террор мог выйти из-под контроля и обернуться против своего инициатора), так и для членов команды, которые наряду со Сталиным были преступниками, но им постоянно напоминали, что они могут стать жертвами. Фактически бóльшая часть основной команды выжила как в политическом, так и в физическом плане: Сталин оказался для них верным покровителем, хотя в безопасности своих родственников и доверенных подчиненных, которые мерли как мухи, они не могли быть уверены[4]. Страх перед Сталиным был не единственным, что удерживало команду вместе, но он, конечно, постоянно присутствовал после первых лет.

---

4. Rigby, “Was Stalin a Disloyal Patron?,” p. 311–324.

Команда, режим и страна были в опасности во время Второй мировой войны, когда два с половиной года подряд шли сплошные поражения и отступления, пока зима 1942–1943 годов не повернула поток вспять. В годы после победы в войне, которые могли бы стать годами триумфа, отдельные члены команды снова оказались в опасности. В послесталинский переходный период команда быстро исключила одного из участников, Берию, из-за его явных амбиций и презрения к коллективному правлению, а также из-за страха, потому что у него, как думали члены команды, имелись компрометирующие их документы. В остальном команда оставалась более или менее стабильной до 1957 года, когда Хрущев стал проявлять амбиции и нарушать правила, что вынудило других членов команды попытаться обуздать его. Этот план дал сбой и привел к изгнанию Молотова, Кагановича и Маленкова, фактически — к концу сталинской команды. Но эпоха опасной жизни в советской политике к 1957 году уже завершилась. Ни одна из сторон этого конфликта не думала арестовывать или убивать своих соперников, а просто стремилась отстранить их от власти.

Идея написания этой книги пришла ко мне в начале 1990-х годов, когда впервые открылся сталинский архив (фонд Сталина в РГАСПИ, преемник старого партийного архива ЦК). Тогда стала доступна переписка между Сталиным и другими членами команды. Изначально речь шла о Сталине и Молотове, вице-капитане команды и сталинском альтер-эго на протяжении бóльшей части обсуждаемого периода, но затем я осознала важность всей команды. Это произошло со мной в контексте другого архивного исследовательского проекта, в рамках которого я познакомилась с Серго Орджоникидзе, членом команды, который не только управлял тяжелой промышленностью с предпринимательским талантом и инициативой, но и энергично пред-

ставлял интересы промышленности в Политбюро — это заставило меня понять, что именно так Политбюро, должно быть, и действовало[5]. Кроме того, я всегда чувствовала, что нужно написать такую книгу о советской высокой политике, которая отбросит в сторону разговоры о политических моделях и сосредоточится на людях и их взаимодействии. Это чувство было основано на ярких личных портретах, которые рисовал для меня в наших беседах в конце 1960-х годов мой советский друг и наставник Игорь Сац. В 1920-х годах в качестве секретаря наркома он был знаком с большинством партийных лидеров.

С открытием советских партийных и государственных архивов (но не архивов госбезопасности) стали доступны документы большинства лидеров — Сталина, Молотова, Кагановича, Микояна, Маленкова, Ворошилова, Орджоникидзе, Калинина, Кирова, Андреева и Вознесенского. Частично недоступными в 1990-е годы оставались архивы Хрущева, из-за его неоднозначного статуса бывшего лидера, а также до сегодняшнего дня полностью закрыты архивы Берии, участника команды, расстрелянного в 1953 году. С 1990-х годов в написании этой книги мне помогали многие биографии Сталина и документальные публикации. Один из авторов этих работ, Саймон Себаг-Монтефиоре, написавший очень живую биографию Сталина[6], разделяет мой интерес к среде, в которой жил Сталин, но не к той политической команде, в которой он играл. Российский историк Олег Хлевнюк, чье знание источников не имеет себе равных, и его британский коллега Йорам Горлицкий про-

---

5. Sheila Fitzpatrick, "Ordzhonikidze's Takeover of Vesenkha," *Soviet Studies* 37:2 (1985); Igor Satz, Sheila Fitzpatrick, *A Spy in the Archives* (London: I. B. Tauris, 2014), p. 142–163.
6. Simon Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar* (New York: Knopf, 2004).

вели прекрасное научное исследование политического ближнего круга Сталина[7]; также заслуживает внимания работа Стивена Уиткрофта, который провел важный количественный анализ команды[8].

Великие диктаторы всегда завораживают, поэтому неудивительно, что внимание не только публики, но и ученых сосредоточено на фигуре самого вождя. В случае сталинской команды, однако, есть и другие причины. Внутри команды и за ее пределами было принято подчеркивать вклад именно Сталина, а не чей-либо еще. Если в 1930-х годах советская пресса часто с восхищением писала не только о лидере (вожде), но и о лидерах (вождях), то есть о команде, то после войны все изменилось — теперь публичный образ команды был в значительной степени ограничен построением по обе стороны от Сталина на Красной площади во время первомайских парадов и тому подобных мероприятий. Кроме того, личные отношения внутри команды резко ухудшились. Дружеские отношения, которые существовали в начале 1930-х годов, в значительной степени исчезли к началу 1950-х годов, отчасти из-за того, что Сталин поощрял взаимные подозрения и враждебность, а попытки наладить более тесные личные и семейные отношения после смерти Сталина были недолговечными и не особенно успешными.

После 1953 года, когда был казнен Берия, 1956 года, когда был разоблачен «культ личности» Сталина, и 1957 года, когда Хрущев исключил оставшихся участников, объявив их «антипартийной группой», никто не хотел вспоминать, что они, включая

---

7. О. В. Хлевнюк, *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры* (Москва: РОССПЭН, 2010) (Oleg Khlevniuk, *Master of the House: Stalin and His Inner Circle* (New Haven: Yale University Press, 2009); Yoram Gorlizki and Oleg Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953* (Oxford: Oxford University Press, 2004).
8. Wheatcroft, “From Team-Stalin to Degenerate Tyranny”.

Берию, долго работали вместе, как одна команда, и со Сталиным, и без него. Берия после своего падения стал козлом отпущения, и его бывшие коллеги начали наперебой отрицать не только дружеские, но и рабочие отношения с ним. После десталинизации в 1956 году члены команды стремились дистанцироваться от того, что теперь называлось его преступлениями, а также стали указывать пальцем на своих коллег. Позже, когда оставшиеся в живых члены их семей и бывшие сотрудники начали писать мемуары, они, что неудивительно, создали весьма субъективные биографии, посвященные тому единственному члену команды, который, по их версии, делал все правильно. Сталин и личные отношения с ним героя воспоминаний были центральными, а остальная часть команды играла второстепенные роли и, как правило, была выставлена в дурном свете. Хотя члены команды сами признавали, что в прошлом они работали вместе, но делали это мимоходом и часто неохотно, в то время как их дети почти полностью это игнорировали. Это неудивительно, учитывая, что все подобные тексты были написаны после окончательного и тяжелого распада команды в 1957 году, когда Молотов, Маленков и Каганович пошли одним путем (но не вместе, чтобы избежать каких-либо обвинений в заговоре), а Хрущев — с Микояном и потрепанным Ворошиловым на буксире — другим.

После того как открылись архивы и были опубликованы мемуары, стало ясно, что политическая и частная жизнь Сталина были взаимосвязаны в значительно большей степени, чем это обычно бывает у политических лидеров. Он общался в основном с членами команды, в их кремлевских квартирах или на даче. Так было в первые дни существования команды, когда жена Сталина Надежда Аллилуева была жива, и у него и у многих его коллег были маленькие дети, и это продолжалось после самоубийства Надежды в 1932 году, когда

команда и его свояки от двух браков составляли практически весь круг его общения, сосредоточенного вокруг дачи. После смерти Надежды он был одиноким человеком и стал еще более одинок, когда репрессии разрушили семью родственников его жены, в которую он был принят. Ему составляла компанию дочь Светлана, но и это закончилось, когда она выросла и вышла замуж в годы войны. Компания членов команды стала еще важнее для Сталина после войны, и участники оставили незабываемые воспоминания об ужасном насильственном ночном общении на даче (теперь, в отличие от 1930-х годов, уже без жен и детей) и о том, каким тяжелым бременем оно было.

В прежние времена наше представление о Сталине и его команде в основном исходило от Троцкого, который считал, что Сталин — «второсортное ничтожество», а команда вообще «третьесортная посредственность» и вряд ли заслуживает обсуждения. Троцкий издевался над Молотовым и не упускал возможности высмеивать и унижать большинство остальных. Поскольку Троцкий в конце 1927 года был выслан из Москвы, а через два года из Советского Союза, то он знал членов команды только на раннем этапе их карьеры, если вообще их знал. Очевидно, он ошибался в отношении Сталина, который, кем бы он ни являлся, не был ничтожеством или просто продуктом партийной машины. Что касается команды, Троцкий был прав в одном: они не были интеллектуалами-космополитами, такими как он сам или Ленин. Но они совершенно не были невзрачными, безликими людьми, как их изображал Троцкий и другие вслед за ним.

Ближайший соратник Сталина, Молотов, по прозвищу «каменная задница», имел, казалось бы, бесконечную работоспособность; никто никогда не назвал бы его харизматичным, но наблюдая за тем, с каким упорством он в течение тридцати лет выдерживал не только работу, но и ос-

корбления и почти всегда упрямо отказывался принести извинения, начинаешь им в некотором роде восхищаться. Орджоникидзе, напротив, был харизматичным, вспыльчивым и очень любил своих коллег; отвечая за тяжелую промышленность в пиковые годы индустриализации, он проделал феноменальную работу, борясь изо всех сил за «свои» заводы и «своих» людей. Берию, еще одного грузина в команде, труднее всего оценить, потому что после его падения в 1953 году все ополчились на него, в итоге он приобрел имидж полностью разложившегося сексуального маньяка, а также главного палача; недоумеваешь, когда читаешь воспоминания его сына, который пишет о его красивой и высокообразованной жене, занимавшейся научной работой, и о том, что сам Берия предпочитал компанию интеллектуалов. С Кировым проблема обратная: его ранняя смерть превратила его в мученика, по определению хорошего парня, которого все помнили как своего лучшего друга. Пухлый Маленков, кажется, аппаратчик в чистом виде: кто бы мог подумать, что после падения с вершины власти он погрузится в биологию (специальность сына) и напишет в соавторстве научную работу об антигравитационном воздействии? Андреев, бывший рабочий, ездил проводить чистки в провинциях, слушая Бетховена на своем переносном граммофоне. Каганович, грубиян с комплексом неполноценности по отношению к интеллектуалам, отличался личной отвагой; его бывший протеже Хрущев маскировал острый ум и решительность под обманчивой внешностью «простого мужика».

Жены и дети членов команды были частью их жизни и взаимного общения и, таким образом, частью моей истории. Семейные связи Сталина были ослаблены: жена, покончившая с собой в 1932 году; старший сын от первого брака Яков, от которого он отказался; никчемный второй сын Василий; и Светлана, его любимица, которая в 1967 году сде-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru